

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА -- 1924 г. — ЛЕНИНГРАД**

ХРОНИКА

ИЗ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ 1)

(Заметки)

I

КУЛЬТУРА.

● Поэт *Мехмед Акиф*, редактор богословско-литературного журнала «Себиль-ур-Решад», автор сборников «Сафахат» («Фазы»), заключающих стихотворения на религиозные темы, написал недавно стихотворение «Независимость», которое звучит горячей верой в красное, османское, знамя; лейтмотив пьесы определяется стихами: «Свобода — право моего знамени, жившего свободно, независимость — право моей нации, преклоняющейся перед правом!» Председатель Общества восточной музыки *Али Рифат* переложил это стихотворение на музыку, но «Марш независимости», с европейской точки зрения, однотонен и как со стороны ритма, так и со стороны мелодии бледен.

● На столбах газеты «Ачик Сез» (издающейся в гор. Кастамуни) учитель истории местного лицея *Исмаил Хакки* поместил серию статей (до 30) под заглавием «Кастамунийские знаменитости»; здесь он набрасывает биографические контуры лиц, родившихся или действовавших в Кастамуни, — поэтов, деревней, каллиграфов, правителей города и т. д. Со стороны архитектоники построение архаично, статьи заключают, однако, ценный материал; автор, видимо, начитан в литературе и нередко ссылается на «диваны» и сочинения, находящиеся в константинопольских книгохранилищах.

1) Отрывочность и недоговоренность моих заметок о Турции происходит, частью, от скудости того газетного материала, который попадает в мое распоряжение. Оторванный давно от Турции, я должен пока отказаться от связанного обзора, но, несомненно, со времени общеевропейской войны и в культурной жизни страны наблюдаются большие неожиданные перемены.

● В газете «Трапзон» («Трапезунт») *Хаммами-заде Ихсан*, местный житель, живо интересующийся научными вопросами, напечатал старое описание города, составленное Мохаммед-ибн-Омар-ибн-Баязидом Аль-Ашиком.

● По инициативе городского головы *М. Мухлиса* в Кони была образована специальная комиссия из членов думы и местных преподавателей, которой поручено было составить путеводитель по городу. Это — первый опыт гида, и инициаторы полагают, что путеводитель послужит примером для других городов.

● На летнем семестре (1923 г.) «Свободного университета» в Ангоре читался ряд курсов, знакомивших с турецким культурным миром; так *Хамдулла Субхи* (председатель национально-политико-общественной организации «Турецкий очаг») читал историю искусств и промышленности у турок, *Риза Нури* (плодовитый писатель-социолог, турецкий депутат на Лозаннской конференции) — общую историю турок, *Рамазан-заде* (потомок владетельных малоазийских князей *Ниязи*) — историю западных турок и краеведение.

● Общество учителей и учительниц в Ангоре также живо пропагандирует интерес к туркологии. Так, *Сойсаллы-оглу Исмаил Субхи* читал лекцию о среднеазиатских турках, *Бесим Аталай* (депутат от Кутахи) сделал доклад о малоазийском турецком языке. Лектор начал с заявления, что малоазийские турки явились в Малую Азию из Средней Азии — из «Великого Турана» — лет восемьсот тому назад. Как и в настоящее время, среднеазиатские турки делились, очевидно, на городских (уйгуров) и на кочевых («туркмены» — «огузы»); первые были культурнее вторых. Арабское завоевание уничтожило совершенно уйгурскую культуру (национальную литературу, ремесла и т. д.), как об этом с горечью заявляли известные арабские писатели

Ибн-Котейба (в IX в.) и Бируни (XI в.). Таким образом, явившаяся в Малую Азию турки оказалась под арабо-персидским культурным воздействием, однако благодаря разобщенности географической они сохранили индивидуальные отличия отражающиеся в языке. На эти отличия языковые обращает внимание автор «Диван-и-ль Лугат-и-тюрк», *Махмуд Кашгарский* (XI в.) Важно поэтому знать, где какое племя в Малой Азии осело; так, в Адане, Мараше, Аинтабе — племена: «карсак», «савджылы», «иль-бейли»; в Ич-иле, Текэ, Ментеше — текинские туркмены («теке»); в Айдыне, Смирне, Пергаме, Кутахье — узбеки (автор считает слово «зейбек» искажением «узбек»); в северной Анатолии — «чинни», в средней Анатолии — «афшары», «каджары», «кара-кечили», «ак-кечили»; в восточной Анатолии — «ак-коюнлу», «хорзумлу». В общем, число диалектов малоазиатских доходит до 7; константинопольский и румелийский диалекты приближаются, как пытается утверждать Бесим Аталай, к кипчацкому и северному турецкому языку.

● Находящийся в Ангоре со времени восстания в Кони против кемалистов в 1920 г., *Велед-челеби*, глава дервишей мевлеви, закончил громадный этимологический «Турецкий словарь», который принят министерством народного просвещения к печати. Составитель во время работы старался использовать всю доступную ему литературу. Так, он давно уже познакомился с «Арабом-филологом» проф. П. М. Мелиоранского и сделал большие извлечения, восторгаясь, как я припоминаю, трудом русского турколога.

● *Мехмед Али Айни* поднимает вопрос об очищении языка и предлагает арабо-персидский лексический элемент заменять старыми турецкими словами; таким образом, будет подготовлено культурное объединение между турецкими народами.

● Автор, скрывающийся под инициалами «X. H.», составил букварь; исходя из непригодности арабского алфавита для османского языка, он указывает, что у турок есть свои национальные шрифты (уйгурский и орхонский) и, в пылу национального увлечения, предлагает ввести в Турцию орхонский алфавит, как наиболее точно передающий звуки турецкого языка.

● В последнее время в Константинополе стали понимать важное значение архивного материала. По инициативе бывшего великого везира Тевфика-паши для описания Государственного Архива, хранящегося в библиотеке Высокой Порты, образована была Археографическая Комиссия. Председателю ее известному османскому филологу *Али Эмири*

(издателю словаря Махмуда Кашгарского) удалось в короткий срок привести в порядок тысячи документов; написанных старинным почерком; среди них встречаются фирманы султанов XV—XVI вв. (Мехмеда II, Селима I Явуза, Сулеймана Великолепного), жалованные грамоты на землю («зияметы», «тимары»), вакуфные дефтеры, грамоты православному греческому духовенству и др.

● Министерство народного просвещения в Ангоре предлагает издать иллюстрированный археологический путеводитель по Малой Азии.

● Директором музея при вакуфном управлении назначен директор художественно-промышленной школы *Сами-бей*; он известен как художник, но он также и большой специалист по музееведению.

● Словесный факультет Константинопольского университета ввел публичную защиту докторских диссертаций. Первый почин сделан был окончившим университет Али Нахадом, который избрал тему «Лейла и Меджнун в мусульманских литературах».

● В газетах сообщены были любопытные цифры о количестве поступивших в университет в 1922/3 акад. г. и о распределении их по факультетам. По аттестату принято: на медицинский факультет 7 мужчин, 1 женщина, на словесный — 3 м., 8 ж., на естественный — 12 м., 20 ж., на юридический — 76 м., 1 ж.; по экзамену: на медицинский — 28 м., на словесный — 2 м., на естественный — по 5 м. и ж., на юридический — 13 м., 1 ж.; не выдержало вступительного экзамена 93 м. и 2 ж.

● Константинопольские студентки обратились к ректору университета Бесиму Оммеру-паше (профессор медицинского факультета) с петицией о введении какого-нибудь отличительного знака для слушательниц университета; предполагается установить единообразие и в женском одеянии, — в «Чаршафах».

● Победы османцев над греками, в течение трех лет поправшими Анатолию, вызвали всюду среди населения большой патриотический подъем. Из Константинополя предпринимались экскурсии и поездки в воссоединенные малоазиатские города. Во время посещения учителями и учительницами Бруссы их встретил там герой освободительной войны, председатель Великого Национального Собрания, *Мустафа Кемаль-паша*, и обратился к ним с речью, в которой говорил о великом значении зна-

ния, ибо в знании скрывается тайна победы над греками.

● Ангорское правительство, сохраняя внутреннюю свободу, упраздняет капитуляции—права и привилегии иностранцев и иностранных учреждений в Турции, и доказывает правоту этой точки зрения для суверенного государства. По поводу различных слухов об иностранных школах в Турции министр народного просвещения *Сафа-Бей* заявил сотруднику (официальной) газеты «*Хакимийет-и Миллийэ*» («Народоправство»), что школы иностранные будут подчинены местным, турецким законам, и в число обязательных предметов преподавания должны быть введены: османский язык, история и география Турции. Турция, естественно, принадлежит право контроля над иностранными учреждениями, но и для иностранцев, для детей, обучающихся в иностранных школах, также приобретает несомненная польза и выгода от знания страны, в которой они живут.—Ряд школ в Малой Азии уже закрыт за уклонение от правительственных распоряжений.

● Министерство народного просвещения в Ангоре разослало приказ о ведении торговыми обществами в Малой Азии торговой корреспонденции, бухгалтерских книг на османском языке.

● Всюду в Малой Азии открываются вечерние курсы и школа для ликвидации безграмотности, привлекающие большое число слушателей.

● Тунисский богач Салих Рашид-бей (у которого в Нормандии—большие земли) предложил ангорскому правительству, через французского представителя, полковника Мужена—дать за свой счет сорока мальчикам практическое агрономическое образование в течение трех лет.

● При министерстве народного просвещения несколько лет тому назад учреждена Комиссия по составлению и переводу научных сочинений. Собираясь еженедельно два раза, Комиссия успела рассмотреть **свыше ста трудов, главным образом, это переводы с западно-европейских языков (Кант, Конт, педагогический словарь и др.), частью с восточных, с арабского (имамы Абу-Ханифа, VIII в. Шафии, IX в.,—основатели наиболее популярных в мусульманском мире правоверных толков), есть также и оригинальные труды. Одобренные Комиссией работы впоследствии печатаются, а авторам присуждаются премии (денежные).**

● Усилиями *Али Эмири* в Константинополе при медресе *Фейзийэ* организована была «Национальная библиотека», где собрано до 20-ти тысяч книг, имеющих отношение к Турции; там хранится и единственная коллекция официальных кален-

дарей-справочников, столичных и провинциальных. Эту библиотеку владелец жертвует в Ангору, куда переезжает и сам, будучи назначен пожизненным ее директором.

● В Ангоре министерством народного просвещения открыта публичная библиотека, в которую должны поступать от издателей книги и периодические издания. Администрация библиотеки надеется и на частные пожертвования; как припомнят, конечно, востоковеды, бывший в России года два тому назад *И. Субхи* собирал книги для библиотеки также в Москве и Петрограде. Несмотря, однако, на гражданские права, отвоєванные в Турции женщиной со времени общеевропейской войны, совместное нахождение в библиотеке мужчин и женщин, очевидно, недопустимо; для женщин библиотека открыта в специальные дни, когда мужчинам доступ воспрещен.

● Общественные библиотеки открываются и в глубине страны,—так, в Кастамуни (город на пути в Ангору, с моря) под председательством губернатора образован специальный комитет по сбору и приобретению книг для библиотеки; в Константинополе с этой целью командирован местный учитель *Исмаил Хакки*.

● Во время обсуждения в Великом Национальном Собрании сметы на печать возникли оживленные прения по вопросу о свободе прессы; большинство депутатов решительно осуждало стеснения печати, от которых страдают интересы народа, когда газета нередко закрывается за то, что осмеливается возвысить голос против произвола местных властей. *Хамдулла Субхи* (председатель национальной лиги «Турецкий Очаг»), отмечая крупные суммы, какие затрачивает Англия на пропаганду, указывал на скромные размеры ассигновок в Турции, а между тем печать—могучее средство для направления и освещения общественного мнения в стране, и путем субсидий, понижая расходы на издание, правительство способствует повышению тиража газеты. Естественно, что направление газет различно, но государство должно

предоставлять возможность выражать свои мнения. Подходя с этой точки зрения к задачам управления печати, *Х. Субхи* одобрил ту линию поведения, которая взята внешним директором печати *Ахмедом Агаевым* (давно уже эмигрировавшим из России в Турцию). Однако деятельность *А. Агаева*, видимо, вызывает среди депутатов разногласия. В защиту его выступил председатель совета министров *Реуф*, который заявил, что *Агаев*—человек в высшей степени ценный; он владеет европейскими и восточными языками, политическая борьба на Кавказе (в 1905—1906 г.) хорошо подготовила его к малоазийской

современной обстановке, и в своей работе он неуклонно проводит национальную турецкую идею. А. Агаев наладил в Ангоре издательство, и благодаря ему стали выходить написанные простым, ясным языком журналы и газеты: «Себиль-ур-Решад» («Правая стезя»), «Кейи Ходмасы», («Деревенский Наставник»), «Тербийэ» («Воспитание»), «Зараат» («Земледелие»), «Ватан» («Отчизна»), «Илим ве фенн ве фелсефе» («Знание, Наука и Философия»), «Кючюк Меджмуа»¹⁾ («Сборничек»), — органы, откуда статьи перепечатываются и в константинопольской, и в анатолийской прессе. Словом, А. Агаев стоит на страже османских интересов: недавно еще он опубликовал большую книгу (до 500 стран.), заключающую материал о греческом повстанческом движении на побережье Черного моря («понтусчилик»).

● Во время оккупации греками «гяурской», как говорит народ, Смирны (интеллигенция ввела новый эпитет, «гюзель» — «прекрасная» Смирна), — некоторые газеты, вместе с потоками беженцев, перенесены были в глубины Малой Азии, — так, напр., «Анадолу» («Анаголия»), «Йени Измир» («Новая Смирна») издавались в Адалии (Конийского вилайета) и продолжали отстаивать свободу и независимость народа; но большинство все-таки осталось на своем посту — в Смирне, подвергаясь неоднократно, как выяснилось теперь, опасностям: «Ахенгь» («Эхо»), «Шарк» («Восток»), «Садайн Хакк» («Голос Правды»).

● Редактор-издатель старой газеты «Кейлю» («Крестьянин») в Смирне, Рафет, по занятии города освободительной армией (в 1922 г.) был повешен, будучи обвинен в измене отечеству. Как сообщают газеты, Рафет цинично заявлял: «У меня есть только брюхо, и кто его наполнит, тот мне и господин», — вел антиклематистскую пропаганду и служил интересам врагов, внешних (греков) и внутренних (одно время газета выражала мнения черкеса-сепаратиста Эдхема, поднявшего в 1920 г. восстание).

● В Ададе для защиты местных нужд образовано отделение Общества печати (центральное бюро которого находится в Ангоре). В состав его вошли представители газет: «Йени Адада» («Новая [т.-е. Освобожденная] Адада»), «Хайят» («Жизнь»), «Теджедлю» («Возрождение»), журнала «Милли Меджуре» («Национальный Идеал») — в Ададе; «Догру Ыз» — в Мерсине, «Тарсос» — в Тарсосе.

● Театр в Турции зародился в эпоху султана Абдул-Азиза (1861—1876). Армянин Кюлли Агоп устроил в Константинополь-

ском квартале «Гедик-паша» театр; при содействии османских и армянских писателей составилась быстро репертуар; там шли патристические пьесы, мольтеровские комедии (переделка большого театра Вефика-паши, организовавшего театр в Брусе во время генерал-губернаторства), комическая опера «Леблебджи Хорхор» (выдержала в Турции до четырехсот представлений) и др. В первые же годы царствования султана Абдул-Хамида (1876—1909) театр закрылся; Агоп был взят в султанский оркестр. Но остаткам труппы удалось все-таки организовать «Османский театр», протянувший дни до конституции (1908 г.); репертуар, впрочем, изменился, — ставившиеся пьесы представляли исключительно переделки уголовно-бульварных романов. Восстановление конституции оживило театр. Решад Ридван основал кружок любителей-актеров, просуществовавший, однако, только два года; сюда вошли и старые артисты, из пьес большой фурор производила четко написанная старая пьеса Сами-бей «Беса или верность слову», из албанских нравов. В это время вернулся из Парижа профессиональный актер Бурхан-эд-дин, образовавший новую труппу, которая должна была поднять в публике театральные вкусы. При содействии Решад Ридвана армянин Бинляп составил также труппу «Национальная османская оперетка». Так возникли все новые и новые товарищества и компании, но все это были пустые затеи. После Балканских войн (в 1913 г.) городской голова Джемиль-паша задумал основать в Константинополе консерваторию, вызвав специально из Парижа Антуана. В консерватории было сначала два отделения, театральное и музыкальное (во время войны закрывшееся). Консерватория, однако, не улучшила положения; актеры все так же соперничали друг с другом, репертуар был плохой, и в публике успехом не пользовались. Основанный в 1921 году «Турецкий театр» нанес сильный удар консерватории; он удачно отобрал старые пьесы, обновил репертуар (оперетка из местных нравов «Маджун хоккасы») «Чашечка с мажуном»¹⁾ и реформировал музыкальную часть (введением «саза»).

● Во время общеевропейской войны в Константинополе возникло (в 1915 г.) Общество османских художников под покровительством царственного художника, принца Абдул-Меджида. Общество устраивает уже четвертую выставку картин. В выставке приняла участие: Халиль-паша, Джемиль, Авни, Шевкет, Хикмет, Ибрагим Сами, Ф. Рухи, Нам, Исманл и др.; выставлено было до 300 картин, здесь и на военные сюжеты «Штурм на р. Закарпия» — (Сами); Абдул-Меджид изображает музыкальный

¹⁾ Это — еженедельный журнал, выходивший в Диарбекре под редакцией Зии Гек Алпа.

¹⁾ Месиво, особое «возбудительное средство», продаваемое на улицах Константинополя.

интимный вечер в турецком доме; кроме того, выставлены были архитектурные проекты (Седада-бей), работы из перламутра (Васыфа-бей) и др. Наибольшее внимание привлекали картины (Чаллы) Ибрагима, свидетельствующие о хорошей технике (он учился в Париже). На чистый доход с выставки Общество приобрело картины, заслужившие в публице успех (для чего образовано было специальное жюри из художников, поэтов и др.), и пожертвовало их для будущего национального музея.

● Мой старый учитель и друг в Кони и *Хамид-заде Абдул-Кадир* скорбит в газете «Бабалык» о том, что у мусульман упала теперь художественная промышленность, в частности, забыто ювелирное искусство, а между тем, некогда, в эпоху сельджукидов, оно процветало в Кони. На это встречаются указания в житии Джалаль-эд-дина Руми; из вакуфной (дарственной) записи эмира Алтун-па от 597 года хиджры (начала XIII в.) явствует, что знаменитый улема Юсуф Кунви (Конийский) и шейх Осман Увейси были и ювелирами, Сельджукидские малоазийские султаны нередко посылали халифам аббасидским в Багдад мечи и кинжалы, искусно украшенные драгоценными камнями. В монастыре Джалаль-эд-дина Руми находится старая люстра, окна и двери, интересные с художественной стороны. Абдул-Кадир останавливает внимание на серебряной двери, сработанной по заказу Соколду-заде Хасана-паши в XVII в. диарбекским мастером («уста»), Ахмедом.

● Перебуганный толками об исключении французского языка из программы анатолийских школ, видный писатель *Судейман Назиф*, по форме (стилю) поклонник старой школы, по убеждениям — патриот, написал в газете «Илери» («Вперед») горячую статью о французском языке и культуре; он доказывает, какое громадное значение имел французский язык для развития современной османской литературы, ибо через посредство французского языка в Турцию проникла западно-европейская культура. В Париже учился «отец современной литературы» И. Шиннаси, духовным учеником и преемником его был Намык Кемаль, учитель М. Экрема (ум. в 1913 г.), поэта Абдул-Хакка Хамида-бея, Абу-з-Зии Тевфика (ум. в 1913 г.) и Сами-паша-заде Сезаи. Абдул-Хакк Хамид-бей сознался однажды Судейману Назифу, что мысль о драме «Тарик» зародилась у него в Париже под влиянием пьес В. Гюго. Не получивший систематического (школьного) образования, С. Назиф рассказывает, как трудно приходилось ему учить французский язык. Поэтому сына своего он, одновременно с

османским, заставлял изучать и французский язык, и последний стал для него как бы вторым материнским языком. И вообще, уверяет С. Назиф, для всякого образованного османца французский язык должен быть родным. Во время всеобщей войны С. Назиф выпустил (в 1916 году) национально окрашенный сборник «Батарья-иле атеш!» («Батарья, пла!»); там были помещены и два перевода из «Impressions de la guerre» — эпохи франко-прусской войны — Сюлли-Прюдома («Кровавые цветы», «Раскаяние»), где поэт отрывается от космополитизма. «Эти стихотворения, пишет автор, не понравились немцам, которые тогда засели прочно у нас на земле и в мозгу». Военное министерство купило две тысячи экземпляров сборника и послало на фронт по частям. После один офицер, бывший в Дарданеллах и читавший книгу под грохот неприятельских орудий, передавал С. Назифу о сильном впечатлении, произведенном С. Прюдомом, который внушил офицеру пламенную любовь к Франции. Для османца французский язык не менее важен, чем арабский или персидский, и устранение его из преподавания внесло бы непоправимое зло, открыв пропасть между Турцией и Западной Европой. «А я хочу, — заявляет С. Назиф, — чтобы османцы среди мусульманских народов были самым просвещенным и сильным народом».

● В небольшом городе на Черном море, Керасунте, под редакцией А. Нури-Ахмеда уже четвертый год издается двухнедельный журнал «Ышык» («Огонек»). Небольшой по размерам (всего восемь страниц в номере), журнал включает разнообразный литературный материал в прозе и стихах, критику, общественно-исторические статьи (напр., о греческом восстании 1821 года). В одном из номеров (56-м) дан перевод двух стихотворений в прозе Тургенева: «Воробей» и «Нищий». Перевод, очевидно, сделан с французского, но в первом стихотворении почему-то опущен последний стих о силе любви. Переводу Зия-эддин Джемил предпослал предисловие, где Тургеневу приписываются «Детские воспоминания», рисующие «невыразимые мучения детской души».

● В константинопольском журнале Йени Меджмуа («Новый Сборник») печатаются «Записки из Мертвого Дома» Достоевского.

II

ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ

● В газетах кратко описан был последний «селямлик» — публичная пятничная молитва, на которой присутствовал ех-султан Мехмед VI Вахид-эд-дин.

одетый в генеральскую форму. Когда имам произносил в мечети Иллыз обычную молитву за «повелителя правдоверных, халифа (заместителя) посланника господа миров» — имя султана халифа не было упомянуто. Султан Мехмед VI вскоре бежал из Константинополя и, после короткого пребывания на острове Мальте, направился по приглашению Короля Хусейна — в Мекку.

● На место отрешенного султана Великое Национальное Собрание в Ангоре избрало халифом Абдул-Меджида (сына султана Абдул-Азиза (род. в 1867 году), сохраняя право старшего в роде Османской династии. Халиф-османец утратил, таким образом, права светского правителя, султана, некие присущие туркам и определявшие политический рост Османского государства. Светская, султанская власть официально перешла и узаконена за Великим Национальным Собранием или за народом, осуществляющим «народоправство» («хакиmiet-и миллийе»). Великое Национальное Собрание присвоило себе также и право религиозной мусульманской общины (мусульманского мира) и халифом — духовным владыкой, избрало человека, которому, согласно старинному османскому закону о престолонаследии (начала XVII в.), принадлежат светская султанская власть. Упразднив то, что имело под собой историческую почву, Великое Национальное Собрание как бы сохранило фикцию о преемственности от Аббасидов халифской власти в Османском роде.

● Политико-общественные перемены, связанные с отделением светской власти, усиленно дебатировались в печати. Газеты развивают мысль о том, что Вахид-эд-дин — «незаконный халиф». В течение веков османские султаны были халифами, и они заслужили это, потому что подняли западных турок на значительную политическую и культурную высоту, но впоследствии они изменились. Теперь народ восстал и захватил власть в свои руки. Бывший султан (Мехмед VI) предал нацию иностранцам; таким образом, он освободил народ от обязательств, какие были у него по отношению к династии.

● Поэт *Абдул-Хакк Хамид-бей* (проживавший в Вене) назначен первым секретарем халифа.

● Перемена халифа видимо ставит в мусульманском мире на очередь вопрос о духовной реформе. С одной стороны, в Индии раздаются голоса, что халиф должен вести исключительно духовные дела; политика светская, все мирское должно быть с него снято. С другой стороны, жизненные интересы Турции требуют, чтобы халифом оставался Османид, чтобы центром попрежнему была Турция. И вот, предупреждая недовольство, государственные османские люди проектируют образовать в Ангоре совет из известных представителей духов-

ных ученых мусульманских стран (Индии, Афганистана, Египта), который будет подготавливать реформы и направлять духовно-религиозную жизнь мусульман.

● При министерстве духовных дел («шариатном») существует по образцу Комиссии по составлению и переводу научных книг, также специальная Комиссия из известного богослова Исмаила Хакки, Ферид-бея и Абд-ул-Чавиша-Эфенди, в задачи которой входит рассмотрение религиозных сочинений и согласование их с современными научными воззрениями.

● Ученый духовный Комитет по исследованию и изучению мусульманских памятников постановил собирать все духовно-религиозные статьи, появляющиеся в повременной печати (газетах и журналах).

● Великое Национальное Собрание, признавая большую потребность и нужду в образованных духовных лицах, реформирует духовные школы («Медресэ») в соответствии с требованиями времени. Студентам медресэ предоставляются льготы по отбыванию воинской повинности.

● Малая Азия постепенно превращается в оплот и убежище для мусульманских ученых, которые все более и более чувствуют неприязнь к Европе. Так, из Сирии в Адану прибыл эмир и улема из Феда, шейх сейид Мохаммед Аль-Китани. Когда он со свитой ехал в шлюпке с парохода в Мерсинский порт, он распевал духовные стихи. Находится в Малой Азии и сенуссийский шейх, сейид Ахмед Эш-шериф. Он отзывался с большой похвалой о патриотизме османцев, вставших на защиту родины от посягательства иностранцев. По мнению шейха, европейская политика, клонившаяся к уничтожению Турции, наоборот, вызвала во всем мусульманском мире сильный подъем.

● Египетский ученый *Ахмед Шакир* утверждает, что независимость Египта, дарованная англичанами, отнюдь не означает вхождение Египта в орбиту интересов империалистической европейской державы; наоборот, как мусульманское государство, Египет, естественно, тяготеет к мусульманским странам, и прежде всего к главе мусульманской семьи, — к Турции.

● В газете (официальной) «Хакиmiet-и-Миллийе» напечатано было окружное послание главы ордена бекташи Вели-эд-дина челеби. Подчеркивая, что толки о приверженности бекташи к шнитству — сплошная клевета, порожденная желанием злоумышленников, которые сеют рознь между мусульманами, — он горячо призывает братию помогать всячески освободительному движению. Он вспоми-

нает легендарную роль Хаджи Бекташа, благоговившего, будто бы, османское войско — янычар. Во время всеобщей войны, покойный брат его (Джемаль-эд-Дин¹⁾ (член Великого Национального Собрания) образовал из бекташи специальный отряд. Словом, бекташи постоянно шли навстречу государственным нуждам, и правительство ценно бекташи. Во время посещения Вели-эд-дином Вели. Нац. Собрания в Ангоре ему были оказаны большие почести. Конечно, послание Вели-эд-дина есть акт политический, обусловленный вступлением его в члены Вели. Нац. Собр., а по существу, орден, или секта бекташи больше связана с верованиями шиитов, а не суннитов.

● Глава малоазиатской православной церкви, отколовшейся от Константинопольского патриарха, митрополит Эфтим-Эфенди (Евфимий), пребывающий в Кескине (Кыршехирского уезда Ангорского вилайета), давно уже неустанно разъясняет в посланиях обо всех ухищрениях Фанара, который через послушное ему духовенство в течение столет (со времени образования Греческого Королевства) проводит в малоазиатских школах «великую греческую идею», заставляя детей изучать греческий язык, в ущерб родному — османскому. А между тем язык турецкий есть главная сила турецкого племени; где бы и когда бы турки ни сталкивались с чужими культурами (буддийской, христианской, мусульманской), они с пылом воспринимали новую религию, но сохраняли нерушимую родной язык. В этом была и есть основная национальная доблесть. Так и теперь, несмотря ни на что, малоазиатские «православные турки» остались верны своим братьям, — туркам-мусульманам, и Великое Национальное Собрание должно пойти им навстречу и освободить их от вредного влияния константинопольского греческого духовенства. Оно должно разрушить басню о преследованиях христиан в Турции и уничтожить ту опеку над христианами, которую издавна взяла на себя Европа. — Послания митрополита Эфтима печатаются в официальной газете «Хакимийет-и Миллийе».

● В Кайсара (Каппадокийской Цезареи) закончилась VII сессия съезда «православных османцев» (греков), вынесшая решения, о которых духовенство оповещено окружным посланием митрополита Эфтима-эфенди (Евфимий). Молитвы должны читаться исключительно на «материнском языке» — османском, по-османски же должна вестись вся официальная переписка. Для пасты в Кайсара издается газета «Анадолу ортодокс-седасы» («Голос азиатских православных христиан»).

Вл. Гордлевский

¹⁾ О нем см. у меня в статье „Из религиозных исканий в Малой Азии“: „Русская Мысль“ 1916, № 11, стран. 88.

После падения Сибирского правительства буряты оказались разведенными на 2 части, соответствовавшие прежнему делению на иркутских и забайкальских, с той однако разницей, что граница была передвинута к востоку, к реке Селенге. Обе эти части получили права автономных областей, из которых одна относилась к Сибири, а другая к Дальне-Восточной республике. Национальное единство поддерживалось только в культурно-просветительной области путем создания в г. Иркутске Бурят-Монгольского национального комитета по культурным делам. Упразднение ДВР поставило на очередь вопрос и об административно-территориальном объединении всего бурятского народа, и с 1 августа 1923 г. оно стало совершившимся фактом: возникла, на основании постановлений ВЦИК, Бурят-Монгольская автономная социалистическая советская республика, во главе которой стал временно, до созыва 1-го съезда советов новой республики, революционный комитет, и таким образом, на ряду с существовавшими до сих пор Сибревкомом и Дальревкомом, образовался равноправный им Бурревком. В состав республики подлежат включению все земли, где русский элемент не превышает 43%. Из городских поселений вошли Верхнеудинск, который будет административным центром республики, Троицковск со слободой Кяхтой и Селенгинск. Председатель и большинство членов Бурревкома первого состава — буряты; в число членов вошел бурят ориенталист Б. Б. Гарадий, б. лектор Петроградского университета; его усилиями была создана единственная у бурят школа II ступени в с. Аге; теперь он будет стоять во главе Наркомпроса бурятской республики. В число ближайших задач Наркомпроса входит создание национальной типографии для более широкого развития издательской деятельности и учреждение педагогического техникума.

Ко дню возникновения объединенной республики вышло описание одной из прежних ее частей: «Бурят-Монгольская Автономная область Д. В. (Краткий обзор области в хозяйственном, административном и др. отношениях к 1 июля 1923 г.)», Чита, Госуд. типогр., 1923 г. 120 стр., 8. Изд. бур. револ. комитета». Этот обзор основан главным образом на данных исследований 1916 и 1917 гг., но по многим сторонам бурятской жизни отчетные данные доходят до последних дней. Это сборник весьма полезных сведений о состоянии забайкальских бурят за новейшее время, и можно лишь пожалеть, что переживания бурятского народа за революционный период изложены недостаточно полно и очень односторонне.